

КЛУБ любителей кино

ИМЯ В ТИТРАХ

«Спешите к себе...»

Балет «Лучафэр», песни — «Зеркало мгновения», «Вечный город», «Человеческий голос» и ряд других произведений народного артиста Молдавской ССР лауреата Государственной премии Молдавской ССР Евгения Доги выдвинуты на соискание Государственной премии СССР. Это итог многих лет работы, за которыми и симфония, и три струнных квартета, хоровые и вокально-симфонические произведения, и музыка к более восьмидесяти фильмам разных студий нашей страны, и пластинки, и песенные сборники.

Читателей, конечно же, интересуют планы композитора, его мысли о творчестве, о времени, о себе. Об этом и ведет с ним беседа наш корреспондент.

— Что дали вам долгие годы работы в кино?

— Мне кажется, они мне очень помогли. В кино самые короткие сроки, а я люблю, когда «фитиль подожен». И каждый раз мне предлагают какие-то новые задачи, и приходит совершенно ученическое чувство, а чувство это ценное, что ни говорите. В упрек музыканту, работающему для кино, ставят большую привязанность к сюжету, иллюстративность, что ли. Но кино с пользой для тебя самого заставляет делать то, за что сам никогда не взялся бы. Скажем, когда я писал музыку к кинофильму Э. Лотяну «Анна Павлова», мне предстояло создать огромное количество оригинальной музыки. Во-первых, то, что танцевала Павлова, до нас дошло в описаниях и только кое-что сохранилось на пленках, во-вторых, музыка, под которую она танцевала, в наше время художественного интереса не представляет. И я окупился в стихию балета. А потом, приступив к балету «Лучафэр», ощутил, как мне это помогло.

Когда я писал музыку к кинофильму «Этот фантастический мир», столкнулся с загадкой белого стиха, который предлагал мне совершенно новые музыкальные формы. А когда работал над музыкой к кинофильму «Табор уходит в небо...», занялся изучением цыганского пения. Это было своего рода исследование: цыганскую вольтицу эксплуатировали нещадно, а литературу по этому интересному музыкальному явлению нет. Когда слушаешь цыганское пение — впечатление такое, будто поет большой хор, по крайней мере, человек десять. На самом деле все не так — поют пять-шесть человек. Почему так кажется? Цыгане не доводят ни одного голоса до «конца», они подхватывают партию то од-

ного, то другого солиста. Возникает бесчисленное количество комбинаций, как в шахматах.

Музыка в кино дала мне аудиторию, а без нее я не могу. Да и в чем виноват «легкий» жанр кино? Жанры не виноваты. Виноват уровень работы в них художника. Композитор имеет право работать в разных жанрах. Их синтез в киномузыке так очевиден и интересен! Как может кино мешать? Я после работы над фильмом «Анна Павлова» «выдал» целую обойму произведений — кантату «Белая радуга», симфоническую увертюру, третий струнный квартет.

— А как быть с уже накопленным материалом?

— Переход из одной музыкальной жизненной сферы в другую всегда дает новые темы, возможность по-новому взглянуть на то, что пишешь. Я много езжу, но не для того, чтобы убедить кого-то в чем-то, или обрести равновесие, или найти большее признание, как могут иные подумать. Здесь, в Молдавии, мое начало, моя земля, на которой и начала расти моя лоза. Но если моя лоза переползает на соседний участок, почему я должен ее обрезать? Моим соседям неважно, что она начала расти у меня на огороде — они видят ее плоды, радуются им, могут даже насладиться ими, если они им по вкусу.

Почему я должен лишать других возможности слушать мою музыку в далеких уголках страны, куда не так часто приезжают композиторы или профессиональные, столичные певцы? Я помню множество дорогих мне, трогательных встреч, например, с простой женщиной, пожилой крестьянкой в Кировской области, которая со слезами на глазах благодарила меня за тот праздник, который увидела на клубной сцене. Она открыла

для себя мир искусства...

Вот говорят про меня: он уезжает. Может, чего доброго, остаться в Москве. И буду уезжать. И пусть за меня не боятся. Я почувствовал вкус поездок и встреч. Если у тебя нет желания открывать для себя мир людей, как человек, ты потерян. Как художник, возможно, тоже.

— Как создавался балет «Лучафэр»?

— Меня манил классический сюжет поэмы Михая Эминеску. Но готовым к нему я себя долгое время не считал. Классики помещены в нашем воображении на стену в золотых рамках, и, чтобы дотянуться до них, нужна высокая лестница. И все-таки мы с Лотяну решили создать балет, но балет необычный, со словами, ибо как можно обойтись без слова Эминеску? Оно настолько выразительно, сильно, что это должен быть балет-опера.

Начал я писать балет еще в семьдесят третьем году. Написал отдельные сцены. Но как только дошел до характеристики Лучафэра, остановился. Я был, оказывается, просто не готов. Он нашел для него... музыкальных слов. Лихо взялся, но остановился. И десять лет еще работал — писал песни, музыку к кинофильмам, написал массу вещей, пока не начал работу над видеофильмом, для детей «Этот фантастический мир» Тут я почувствовал, что рядом с этой фантастикой и лежит тот вечный мир звездного неба, где жил Лучафэр. Потом я болел — и много думал, как всегда бывает во время болезни, о разных вещах и о смысле жизни. И вдруг балет «пошел», и за два с половиной месяца был создан, я еле-еле успевал записывать.

— Как вы понимаете, оцениваете влияние музыки на человека?

— Музыка насыщает красотой. Музыка, как маленький моторчик в большом дизельном тракторе, заводит другой, большой мотор, называемый человеческой душой. Все, что есть в музыке сильного, страстного, нежного, гневного и скорбного, зажигается только в душе человека. Музыка в тебе самом. Так идите же к себе, ищите себя, не останавливаясь!

Г. МИХАЙЛОВ.